

Приказчикова Е. Е.
Екатеринбург, Россия

АКСИОЛОГИЯ ДЕТСТВА В РУССКОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII В.: ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Мемуаристика играет особую роль в истории русской словесности XVIII в. Находясь объективно на периферии литературного процесса, она в силу своей «альтернативности», отмеченной еще Г. Гачевым, позволяет авторам ставить и решать проблемы, постановка которых в художественных текстах нормативных литературных направлений пришла на гораздо более позднее время. Аксиология детства в этом ряду не является исключением.

Именно в мемуарной литературе репрезентативно отразилось изменение аксиологических установок изображения детства в русском дворянском обществе XVIII столетия. Это стало результатом педагогической революции, когда «семья отделяется от общества» и «перестает допускать его в расширяющиеся пределы частной жизни» [Арьес 1999: 398]. В результате на ребенка перестают смотреть как на «маленького взрослого», определяя его положение в обществе термином «недоросль». Вместе с тезисом Ж.-Ж. Руссо «Природа желает, чтоб дети были детьми, прежде чем они станут взрослыми» в просвещенном обществе XVIII в. появляется «мир детства». Он включал в себя детскую литературу, детскую одежду, не стесняющую движений и которую можно было не бояться запачкать, детские комнаты, где можно было играть, не боясь насмешек и осуждения со стороны взрослых.

Расставание с ценностями детства Старого порядка (в духе Ф. Арьеса) прекрасно демонстрирует императрица Екатерина II во втором варианте своих «Записок» (1772). Этот текст вступает в жесткий аксиологический конфликт с системой ценностей детства, декларируемой великой княгиней Екатериной Алексеевной в 1755 г. в первом варианте своих записок, создаваемом в 25-летнем возрасте. Там Екатерина проецирует на себя столь модный в первой половине XVIII в. образ ребенка-вундеркинда, самостоятельно выучившего французский язык в 3 года и имеющего способность с 7 лет вместе

со взрослыми не спать на ночных балах-маскарадах, где она «во всем принимала участие...трещала, как сорока, и была чрезмерно смела» [Записки императрицы... 1989: 468]. Данный аксиологический посыл будет полностью отменен во втором варианте записок, где она, уже став российской Минервой и Екатериной Великой, будет откровенно смеяться над идеей необходимости взросления в 7 лет, когда родители забрали у нее все игрушки как символы неразумного «ребячества».

В эпоху Просвещения в качестве важнейшего инструмента идеального воспитания ребенка начнет рассматриваться книга. Это будет характерно как для мужского, так и для женского сознания. Князь Я. Шаховской, сенатор и конференц-министр елизаветинской эпохи, известный своим неподкупным характером, в своих «Записках», написанных в 1770-е гг., именно с разумными книгами, обращением к «Афинскому Сократу и Аристиду» связывает патриотическое воспитание, превратившее его с юных лет в человека, «к услугам отечеству способного» [Шаховской 1872: 2]. Е. Р. Дашкова, женщина, стоявшая во главе двух Академий, в записках «Моя история» (1804–1805) рассказывает, как в возрасте 14 лет смогла открыть для себя мир французской просветительской литературы, и почти гордится полученным нервным расстройством в результате чтения трактата К. А. Гельвеция «О разуме».

Реабилитация детского возраста потребовала от мемуаристов примирения с важнейшей аксиологической составляющей «ребячества» – страстями и заблуждениями детских лет, вызванными общим несовершенством человеческой природы. Так, по представлению Д. Фонвизина в «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» (1791), «зло, которое у младенцев видеть случается» [Фонвизин 1959: 84], надо впоследствии искоренять правильным воспитанием. Эта точка зрения подтверждается примерами из собственного детства (история об Иосифе Прекрасном и едва не вырванном зубе, страсть к картам «с красными задками»).

Противоположную традицию мы находим в записках известного русского просветителя А. Т. Болотова (1789–1816). Главы о детстве у мемуариста – одна из первых попыток в русской словесности непредвзятого реалистического изображения «утра жизни» человека, имеющего самостоятельную ценность, а не являющегося подготовкой к будущему высокому жизненному поприщу. А. Т. Болотов первым

в русской литературе реалистически изобразил поведение ребенка, впервые взятого на взрослую охоту. Мотив охоты станет распространенным в русской художественной литературе XIX – начала XX в. в качестве своеобразной инициации подростка или юноши во взрослую жизнь. В традициях мемуарной «правды голого факта» создается реалистический образ дядьки Артамона, пристрастие которого к бутылке не один раз ставит мальчика не просто в затруднительное, но и опасное положение, как в случае встречи со стаей волков на пустынной зимней дороге.

Изменение аксиологических ориентиров изображения детского возраста в мемуарной литературе XVIII в. в сторону «естественности» не привело к отказу от просветительского дискурса как такового, включая библиофилический культурный миф. Тот же А. Т. Болотов, смело разрушая миф о романе-развратителе, демонстрирует то естественное «книжное» воспитание на лоне природы, которое в своей аксиологической составляющей станет одним из наиболее ярких символов просветительского дискурса педагогических стратегий второй половины XVIII – начала XIX в.

Литература

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.

Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989.

Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1959. С. 81–105.

Шаховской Я. П. Записки. СПб., 1872.

Снигирева Т. А., Подчинов А. В.
Екатеринбург, Россия

ИСТОРИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ СЕРИИ «ЖЗЛ»: ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ

Издательская серия «Жизнь замечательных людей» является одной из самых долговременных (более ста лет), устойчивых, популяр-